Когда родился их первый ребенок, Падме назвала его Люком. Она улыбнулась с покрасневшего и мокрого от пота лица, прежде чем ее охватила еще большая боль, и она закричала. Энакин сорвал бы крышу с собственного дома и сбросил ее в долину, если бы думал, что это остановит ее страдания.

Акушерка положила ему на руки очищенного и запеленатого ребенка, и Энакин почувствовал, как из него уходит насилие. Он уставился на крошечное личико Люка, его крошечные руки и крошечные ладони и был ошеломлен.

Ему снились его дети ночь за ночью, но они были безликими, гуманоидными фигурами без имен. Теперь его сын был крошечным человеком с лицом, зажмуренными глазами и кулаками, прижатыми к подбородку.

Он наконец понял, что заставило Падме сказать: "Если я умру, позаботься о них". Он, наконец, догнал место, в котором она жила в течение нескольких месяцев.

С рождением Люка Скайуокера тьма, которая клубилась вокруг дома, заметно рассеялась. Оби-Ван чувствовал это. Легкость и спокойствие прорвались сквозь все страхи, гнев, подозрения и боль.

Оби-Ван не осмеливался войти в спальню, чтобы не нарушить хрупкое равновесие. Но он медленно приблизился к дверному проему, где мог видеть своего бывшего падавана и друга, неподвижно стоящего над кроватью, держа сверток, в котором скрывался ребенок, которого он не мог видеть, но мог чувствовать через Силу. Жизнь новорожденного ребенка посылала мощную Силовую сигнатуру, потенциальную или нет, как будто объявляя миру, что живая Сила только что выросла.

Лицо Энакина, сосредоточенно склонившегося над своим ребенком, выглядело более умиротворенным, чем Оби-Ван когда-либо видел его. Это заставило сердце Оби-Вана сжаться. Это была такая привязанность, которую джедай никогда не должен был иметь, и Оби-Ван понимал почему. Он всегда соглашался с мнением, что джедай должен любить потомство галактики, а не посвящать всю свою энергию расширению себя. Разве Энакин уже не доказал опасность такого рода привязанности? Разве он уже не написал кровью причины, по которым джедай не должен брать жену и детей и бросать всех остальных во имя сохранения своего собственного потомства?

И все же... и все же. Оби-Ван почувствовал, как что-то шевельнулось в его усталом сердце, и, потянувшись внутрь, чтобы спросить, что это было, понял, что он чувствует надежду.

Сам Энакин удивлялся, глядя на крошечное, красное, сморщенное лицо Люка, что это может быть реальным. Просто глядя на Люка, его сына, такого свежеиспеченного, ему хотелось быть хорошим. И не просто хорошо себя вести или держать себя в узде, но быть хорошим по-настоящему, чего он на самом деле не чувствовал, было возможно все это время. Это было откровением. Этот ребенок заставил его хотеть быть хорошим не только для того, чтобы угодить Падме, но и потому, что он не хотел, чтобы темнота коснулась этого крошечного

человека, который был таким чистым.

Однако на этом испытание не закончилось. Падме все еще боролась за жизнь своего второго ребенка. Рождение Люка истощило ее больше, чем она когда-либо могла себе представить, и все же она не могла расслабиться, не могла лежать и смотреть на своего ребенка так, как Энакин был очарован новорожденным мальчиком. Она посмотрела на него. Он стоял рядом с кроватью, но они с Люком казались такими далекими.

Но она боролась, чтобы продолжать идти. Она боролась, и вскоре она почувствовала, как Энакин держит ее за руку, убирая с ее лица слипшиеся от пота волосы и шепча ей на ухо ободряющие слова.

Соолан забрал Люка и положил его в ожидающую люльку, строго шепнув новому отцу, что он нужен его жене. Энакину было стыдно. Как он мог забыть Падме, даже на краткий миг? Она боролась за две жизни.

http://tl.rulate.ru/book/23863/1434826